

П.О. Кулиш

**Материалы для истории
воссоединения Руси**

Том 1: 1578-1630

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.О. Кулиш**
Материалы для истории воссоединения Руси: Том 1: 1578-1630 / П.О. Кулиш –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 342 с.

ISBN 978-5-518-00930-1

ISBN 978-5-518-00930-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Предметами, которые ранѣе всего, до наступленія позднѣйшаго періода цивилизаціи, подвергаются общественной критикѣ, могутъ быть только вопросы, касающіеся видимыхъ и настоятельныхъ интересовъ общества, т. е. политическіе вопросы высшей и неотлагательной важности. Если какая либо нація приобрѣла въ значительной степени привычку и обнаружила способность свободно относиться къ этимъ вопросамъ и рѣшать ихъ съ осмотрительностью, заниматься политическими дѣлами въ обширномъ размѣрѣ, но безъ всякихъ разрушительныхъ намѣреній, такой націи можно предсказать громаднй прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ цивилизаціи.

Вальтеръ Беджгогъ, *Естествознаніе и Политика.*

Представляемый мною любителямъ исторіи сборникъ имѣеть двоякую цѣль:

а) сдѣлать общедоступными документальныя выписки, которыми я пополнялъ въ собственномъ умѣ общія историческія свѣдѣнія;

б) разъяснить при этомъ нѣкоторыя недоразумѣнія въ нашихъ понятіяхъ о быломъ, происходящія отъ незнанія однихъ источниковъ, отъ пренебреженія другими, отъ превратнаго истолкованія третьихъ.

Настоящее изданіе является, по этому, и сборникомъ матеріаловъ, и анализомъ такихъ предметовъ историческаго

изученія, которыми въ послѣдовательномъ повѣствованіи было бы неудобно заниматься специфически.

Ни одна часть исторіи русскаго міра не подверглась такимъ вымысламъ и извращеніямъ, какъ эпоха отпаденія южной Руси отъ Польши и присоединенія къ Московскому царству. Тѣ классы, которые въ эту эпоху представляли южнорусское общество или южнорусскій народъ, существовали сперва, какъ отрицаніе общества польскаго, и стремились къ соединенію съ Московскимъ царствомъ, въ силу древнихъ русскихъ преданій. Когда же соединеніе наконецъ совершилось, имъ стало жаль того строя жизни, который они выработали на республиканскій ладъ вмѣстѣ съ польскою шляхтою. Они были не въ состояніи переработать въ себѣ революціонный элементъ козачества, какъ это сдѣлала гражданственность великорусская, и, поддаваясь ему въ упадкѣ лучшихъ народныхъ силъ, пытались, подъ козацкими бунчуками, образовать въ южной Руси православную шляхетчину, то есть возсоздать формы полумонархической и полуреспубликанской жизни, ими же самими отвергнутыя.

Во время борьбы съ Польшею, въ извѣстной части южнорусской интеллигенціи произошли странныя на нынѣшній нашъ взглядъ предубѣжденія противъ гражданственности польской; а въ періодъ попытокъ вырваться изъ подъ опеки царскаго правительства, образовались въ ней еще болѣе странныя предубѣжденія противъ того, что составляло государственный и общественный строй русской монархіи. Въ эти двѣ противоположныя эпохи козацкихъ бунтовъ и общественныхъ переворотовъ, продолжавшихся болѣе полутора ста лѣтъ, въ пылкихъ и мечтательныхъ малорусскихъ характерахъ зародилась умственная болѣзнь, которую можно назвать страстью къ переѣнамъ, и которая выразилась въ народной пословицѣ:

хоть гирише, а бы иише. Болѣзнь эта одолѣвала не только южнорусское престопаодье, но часто и тотъ классъ южнорусскаго общества, который заключалъ въ себѣ наиболѣе талантливыхъ и предприимчивыхъ людей,—классъ интеллигентный, или изображавшій собой интеллигенцію, за недостаткомъ въ южной Руси общества, въ самомъ дѣлѣ образованнаго. Она была причиною цѣлаго ряда измѣнъ и мятежей, ознаменовавшихъ политическую дѣятельность козачества отъ Виговскаго до Пугачова, котораго бунтъ состоялъ и въ нравственной, и въ фактической связи съ украинскимъ гайдамачествомъ. Она сдѣлалась у насъ въ Малороссіи, во множествѣ семействъ, наследственной немочью здраваго смысла и, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, отразилась наконецъ, какъ въ беллетристикѣ, такъ и въ исторической литературѣ. Наши малорусскія повѣсти, драмы, поэмы, лиричесвія стихотворенія, относящіяся къ прошедшему, исполнены дѣтскаго лепета о той славѣ, которою гордились козаки, эти безразсудные и безпощадные онустошители сосѣднихъ странъ, не только иноплеменныхъ, но и родственныхъ имъ по племени и православной вѣрѣ. Владѣя общерусскимъ языкомъ и работавъ, сверхъ того, такъ названный языкъ украинскій; мы придавали разгульнымъ добычникамъ обонхъ береговъ Днѣпра значеніе патріотовъ или защитниковъ гонимой вѣры, и, сохранивъ еще въ самихъ себѣ дикіе инстинкты родной старины, прославляли какъ нельзя усерднѣе подвиги, не имѣвшіе никакой гуманной цѣли. Въ пылу нашего козацкаго энтузіазма, мы опрокинули къ верху дномъ исторію Польши, сдѣлавъ изъ нея что то невѣроятное и невозможное. ¹⁾ Почти въ та-

¹⁾ Начало этой фантазмагоріи, болѣе вредоносной, нежели можетъ казаться на поверхностный взглядъ, положилъ, во первыхъ, неизвѣстный доселѣ авторъ такъ называемой Лѣтописи Конискаго („Исторія

комъ же видѣ являлось въ нашихъ писаніяхъ и прошедшее государства Московскаго. Увлечшись дѣтскою гуманностью на счетъ исторической дѣйствительности, мы помѣщали „нашъ народъ“ между непріязненныхъ ему націй, какъ мученика и героя среди чудовищъ. Новѣйшія социалистическія ученія, возникшія на Западѣ, соединились въ нашемъ умѣ съ наслѣдственными воззрѣніями на наше прошедшее, и заставили насъ идеалы настоящаго переносить въ былую жизнь, управляющую совсѣмъ иными нуждами, мнѣніями и стремленьями. Отъ этого въ нашихъ историческихъ и литературныхъ изображеніяхъ нѣкоторыя явленія былой жизни, такія на примѣръ, какъ землевладѣлецъ, крестьянинъ, козакъ, сошли съ принадлежащихъ имъ мѣсть, соотвѣтственность между такими историческими дѣятелями, какъ церковь, національность, наука, для насъ исчезла, и необходимая для умственного удовлетворенія послѣдовательность идей нами потеряна. Въ силу отрицательнаго гуманизма, низшіе классы, подъ именемъ народа, явились у насъ носителями благородныхъ стремленій чловѣка, въ предосужденіе высшимъ, а высшіе стали намъ представляться самымъ зловерднымъ скопищемъ олицетворенныхъ эгоизмовъ, которое, по нашему на него воззрѣнію, давнымъ давно долженствовало бы разрушить гражданское общество, созданное среди политическаго хаоса не кѣмъ другимъ, какъ этимъ же зловерднымъ скопищемъ.

Къ такому анти-историческому взгляду на сѣверную Славянщину писатели украинской школы были приведены, болѣе нежели чѣмъ либо другимъ, превратно понятою эпохою Богдана Хмельницкаго. Въ эту бѣдственную не для одной Польши эпоху мужикъ и мѣщанинъ волею и неволею перестали быть

Руссовъ“), а во вторыхъ, основавшійся на немъ высокоталантливый авторъ „Тараса Бульбы“.

въ южной Руси тѣмъ, чѣмъ они были прежде; духовенство очутилось въ положеніи двусмысленномъ; землевладѣльцы прекратили свою хозяйственную и административную дѣятельность, а безземельный ¹⁾ дотолѣ козакъ явился насильственнымъ представителемъ низшихъ сословій, унижительнымъ для православія ²⁾ протекторомъ церквей и дикимъ владѣльцемъ вотчинныхъ имѣній.

Великимъ несчастьемъ южнорусской исторіографіи было то, что она, начиная съ Самуила Величка, увлеклась фабулою исторіи, и не заботилась ни мало объ исторической критикѣ. Вдохновляясь національнымъ, а иногда просто запорожскимъ антагонизмомъ относительно одной или другой гражданственности, она породила, съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія, несогласную съ историческою дѣйствительностію беллетристику и, можно сказать, продолжила существованіе козачества— въ литературѣ. Этимъ она сдѣлала понятный шагъ въ томъ постепенномъ развитіи русскаго самосознанія, которое на Сѣверѣ выразилось трудами Барамзина, Пушкина и представителей созданной ими литературной школы. Этимъ она затруднила уясненіе не только польскорусскаго вопроса вообще, но и московоукраинскаго въ частности. По милости литературныхъ проявленій нездороваго козакорусскаго ума, въ наше

¹⁾ Козаки, какъ возаки, владѣли де jure и де facto однимъ только Трахтомировомъ, съ его монастыремъ; прочими же грунтами, полями и угодьями владѣли они, или лучше сказать продолжали владѣть, въ качествѣ шляхтичей и мѣщанъ, вписавшихся въ козацкое войско. Даже Запорожская Сѣчь съ ея дугами, пастбищами, рѣчками и вѣтками, была юридическою собственностью Польской короны.

²⁾ Интеллигенція нашей церкви сознавала это во времена гетманщины весьма ясно. Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синонсисѣ“ поименовалъ, въ слѣдъ за русскими великими князьями и царями, даже латинцевъ кievскихъ воеводъ, но прошелъ молчаніемъ всѣхъ безъ исключенія козацкихъ гетмановъ.

время сдѣлалось труднѣе прежняго видѣть реальность мѣстной исторіи, потому что южнорусская интеллигенція, вообще очень еще слабая, въ лицѣ многихъ представителей своихъ, впитала, какъ насущную пищу, ошибочныя представленія о существовавшемъ во времена оны порядкѣ вещей, начиная съ „Тараса Бульбы“ Гоголя, и даже мы сами, мы, занимающіеся исторіею при свѣтѣ столькихъ автентическихъ свидѣтельствъ о быломъ, неизвѣстныхъ нашимъ предшественникамъ, только съ большимъ трудомъ отчитываемся—я готовъ сказать отрещиваемся—отъ навожденій духа тьмы, обуянаго южнорусскую исторіографію.

Признаваться въ этомъ передъ публикой не стыдно. Критицизма касательно исторіи русскаго Юга и его международныхъ и междусословныхъ отношеній въ нашей ученой литературѣ такъ еще мало, что даже Археографическая Коммиссія вымышленную прокламацію Богдана Хмельницкаго къ малорусскому народу, извращающую характеръ эпохи, включила въ историческіе документы Западнорусскаго края, изданные ею съ переводомъ на французскій языкъ, для того чтобы сдѣлать ихъ общедоступными во всемъ ученомъ мірѣ.¹⁾ Имѣя передъ собой столь поразительный примѣръ историческаго заблужденія, я сознаюсь откровенно, что въ первыхъ двухъ

¹⁾ Заглавіе этого роскошнаго quarto таково: „Документы, объясняющіе Исторію Западно-Русскаго Края и его Отношенія къ Россіи и Подольскѣ“. С.-Петербургъ, 1865. Печатано по опредѣленію Археографической Коммиссіи. Апокрифическая прокламація Богдана Хмельницкаго занимаетъ въ немъ страницы 312—332 и озаглавлена такъ: „1648 г. мая 28. Универсалъ Гетмана Войска Запорожскаго Богдана Хмельницкаго Жителямъ Малороссійской Украйны и Козакамъ, въ исторомъ, изображая жестокія утѣсненія, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни, убѣждаетъ всѣхъ соединиться съ нимъ для защиты правъ своихъ вооруженною рукою“.

томахъ „Исторіи Возсоединенія Руси“ не могъ еще быть свободенъ отъ ходячихъ у насъ понятій о польскорусской старинѣ. Только новыя, весьма прилежныя изученія дали мнѣ возможность видѣть яснѣе прежняго существовавшій во времена оны порядокъ вещей на польскорусской территоріи и опредѣлить взаимныя отношенія, въ какихъ находились между собою народности, сословія и корпораціи бывшей Рѣчи Посполитой. Для меня было бы истиннымъ благополучіемъ дожить до втораго изданія этихъ двухъ томовъ, чтобы многое въ нихъ передѣлать и тѣмъ пріостановить вредъ, который они, съ своею очередь, причиняютъ людямъ, мало свѣдущимъ въ предметъ моихъ изученій.

Въ исполненіе моихъ недодуманныхъ изображеній былой жизни, я представляю, покажѣсть, мыслящей публикѣ сборникъ старательно проштудированныхъ документовъ, которые намъ, специалистамъ украинщины, давно слѣдовало бы извлечь изъ архивовъ и книгохранилищъ. Въ слѣдъ за этимъ I-мъ томомъ „Матеріаловъ“, появится III-й томъ „Исторіи Возсоединенія Руси“, изображающій религиозное, социальное и національное движеніе въ эпоху Юва Борецкаго (1620—1631 г.) За тѣмъ въ IV-мъ томѣ будетъ изображена мною мало у насъ извѣстная, но весьма важная эпоха 1630-хъ—1640-хъ годовъ. Одновременно съ IV-мъ томомъ Исторіи я надѣюсь издать II-й томъ Матеріаловъ и I-й томъ „Критигобиблиографическихъ Работъ для Исторіи Возсоединенія Руси“. Когда же наконецъ этими изданіями будетъ приведена въ ясность государственная, общественная, культурная и номадная жизнь на пространствѣ между Царьградомъ, Варшавой и Москвою, когда мои изслѣдованія устранятъ съ моей дороги нагроможденный литературою громоздъ политическихъ, религиозныхъ, социальныхъ и национальныхъ предубѣжденій, — тогда,

не опасаясь уже, что пишу на непонятномъ для моихъ читателей языкѣ, я займусь картиною безпримѣрнаго разбоя, который разрушилъ республиканскую Польшу, потрясалъ до основанія монархическую Россію, поддержалъ мусульманскій міръ на счетъ христіанскаго, приостановилъ на цѣлое столѣтіе гражданственное развитіе Сѣверной Славянщины, и до настоящаго времени, чрезъ посредство литературы, оказываетъ вредное вліяніе на успѣхи русскаго самосознанія.

Говоря о „непонятномъ языкѣ“, я имѣю въ виду тѣ анти-историческія понятія о международныхъ и междусловныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ воспитано, можно сказать, цѣлое поколѣніе прилежныхъ читателей малорусскихъ книгъ, писанныхъ по русски и по украински. Этими словами я хочу выразить, какъ глухо къ исторической дѣйствительности русское ухо, привывшее, въ теченіе десятилѣтій, внимать разнообразнымъ повѣствованіямъ о небываломъ въ Польшѣ и южной Руси порядкѣ вещей. Одна только польская, католическая публика, по отношенію къ международнымъ и междусловнымъ столкновеніямъ въ сѣверной Славянщинѣ, превзошла извѣстную часть нашей русской публики своимъ равнодушіемъ къ исторической правдѣ и своимъ пристрастіемъ къ дѣланной исторіи польскорусскаго общества. Самыя безпристрастныя и точныя изслѣдованія наши о польскорусской старинѣ мы пишемъ, очевидно, на непонятномъ для польскихъ католиковъ языкѣ. На такомъ же языкѣ пишется и для извѣстной части русской публики все то, что разрушаетъ литературныя иллюзіи козачества, съ его патриотизмомъ, съ его либерально-народными идеями, съ его религіозностію.

Но, выражаясь объ этомъ предметѣ съ рѣзкостью протеста, я не отвергаю заслугъ той литературной школы, которая, по невѣжественному почину вдохновеннаго козацкими сказками

автора „Тараса Бульбы“, основалась у насъ на изученіи лѣтописныхъ, мемуарныхъ и актовыхъ свидѣтельствъ, безъ исторической критики. Я самъ принадлежалъ къ этой школѣ и много лѣтъ усердствовалъ открытію бытописной истины виѣ научнаго изслѣдованія, внѣ безпристрастнаго изученія и строгаго сопоставленія историческихъ данныхъ. Не могу я сказать, чтобы мои собственные труды въ этой области литературы были не нужны и бесполезны для нынѣшнихъ моихъ работъ. Точно такъ не могу отрицать, чтобы писанное моими предшественниками и сверстниками даже и подъ господствомъ псевдолиберальной фантазіи на счетъ критики—не приготовило для меня того пути изслѣдованій, который избранъ мною, какъ болѣе истинный. Множество открытыхъ ими источниковъ и сдѣланныхъ указаній, не выдерживая критики въ приспособленіи оныхъ къ общему ходу русской идеи или русской исторіи, тѣмъ не менѣе поставило меня въ возможность продолжать свободно путь, на которомъ я слишкомъ долго подчинялся ошибочнымъ умозрѣніямъ воспроизводителей польскорусскаго былого. Во многомъ, что не требовало отъ нихъ тенденціознаго соединенія несоединимаго, они оказали исторіи южно-русскаго края услуги незабвенныя. Если я настоящимъ трудомъ моимъ успѣлъ разъяснить предметъ, занимавшій у насъ нѣсколько передовыхъ умовъ и затемненный ими въ слѣпомъ увлеченіи любовью къ такъ называемому своему народу, то всего больше обязанъ этимъ тому, что былъ прилежнымъ, хотя въ началѣ и черезъ чуръ довѣрчивымъ, читателемъ ихъ произведеній. Не имѣя передъ собой трудовъ этихъ заблуждавшихся, но тѣмъ не менѣе достопочтенныхъ людей, я долго, а можетъ быть и никогда, не задалъ бы себѣ тѣхъ вопросовъ, на которые отвѣчаю теперь моими книгами.

Пушкинъ справедливо говаривалъ, что только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій. Мысль эту надобно дополнить замѣчаніемъ, что, при перемѣнѣ убѣжденій, неизбежно чувствуется сперва нѣкоторое раздраженіе противъ того, что мы признавали не подлежащимъ сомнѣнію; но, по мѣрѣ того, какъ мы дѣлаемъ больше и больше шаговъ на новой, обыкновенно трудной, дорогѣ, мы оглядываемся съ участіемъ на пионеровъ, продолжившихъ временно полезный для самихъ насъ, но потомъ оставленный нами путь. Въ этомъ участіи таится сознаніе, что и прокладываемая нами дорога для національной идеи, со временемъ, окажется неудовлетворительною, а потомъ и совсѣмъ ненужною. Въ этомъ участіи таится и другое сознаніе: что, исправляя ошибки другихъ, мы неизбежно дѣлаемъ новыя ошибки, которыя могутъ быть, пока мѣсть, незамѣтны, но рано или поздно будутъ обнаружены.
